

ЛитРес:

Сказка на новый лад

И. Баре

Аль

Навь

и

Дравь

на службе колдуня

И. Барс Явь, Навь и Правь на службе колдуна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68648633

SelfPub; 2022

Аннотация

В Лесу Сумрачном, в чаше непроходимой, живет колдун темный. Поработил он и заставил служить себе трех сестер – богинь вечных. Наброеил заклятие хитрое на всемогущих Явь, Навь и Правь. Не в силах сестры сами избавиться от пут невидимых, живут отныне в мире людей, чудесами его заполняя, но и созданиями страшными. Духи навьи по землям расползлись из-за договора неосмотрительного царя Яромира и колдуна коварного. Позарился государь людской яблоками молодильными и выпустил нечисть всю из Леса мрачного. Отравляет она теперь жизнь человечью, и как избавиться от проклятия этого – никто не знает. Боятся и мужи храбрые, и воины brave за частокол колдовской шагнуть да сгнуть. Все страхом отравлены, но только не Иван-царевич и подруга его верная Варвара. Мать девицы проклята самой Навью. Спасти дочь мечтает родительницу свою. Войдут Иван и Варя в Лес Сумрачный, но вот выйдут ли?..

И. Барс

Явь, Навь и Правь на службе колдуна

Сказка

Жил во граде белокаменном Чудодаре царь храбрый, великий и дюже необычный, в народе Благословенным прозванный. Яромир имя его. Чудесен же он был тем, что много веков уже народом правил. Пятьдесят лет властвовал, до седин снежных доживал, а потом ложился ночью на кровать свою царскую, а поутру уже добрым молодцем просыпался.

Дивились люди такому чуду, разное говаривали, да вот только никто истинную причину не знал. А крылась она в мрачном лесе – Лесе Сумрачном, что черной грядой раскинулся за стенами Чудомира. Давным-давно, люди уже и не помнили, когда именно, не могли они войти в чашу непроходимую. Не пускали их туда дубы-великаны, голоса страшные да Ветер живой. Это земли колдуна Висира были. Ему служили три сестры Вечности – Явь, Навь и Правь. Всемогущ колдун был и неприветлив. Но пришел к нему Яромир, дабы открыть людям богатый край даров лесных, что кормить мог круглый год. Сумел Висира царь убедить, договориться да

еще и яблоки молодильные забрал из волшебной чаши. Да вот только нельзя было этого делать. Нарушил Яромир закон главный – всё, что за частоколом растёт, то там и остаться должно.

Минули века, как людям позволили войти в Сумрачный Лес. Много воды утекло; много жизней пришло и ушло; многое в мире сломалось и починилось. Да и сам мир другой стал. Темнее, мрачнее. Открыл Яромир «дверь» в Лес заколдованный. Но не только человек входил в него. Жители Сумрачных земель тоже отныне свободно выходили из дома своего. Обманом навьи духи расползлись по миру. К местам своим они привязаны были, и не могли уйти сами. Только люди вывести могли их из темных пещер, топких болот и мертвых деревьев. На спине своей человек приносил в деревни вредную нечисть, в карманах глубоких, в сердце своем да ушах, польстившихся речами сладкими.

Не знал народ, что виной всему царь их Благословенный. Любили его, почитали, болтали, конечно, разное, но иной головы не желали. Яромир же ничего не отрицал, но и не подтверждал. Даже супружнице молодой неизвестно было, почему муж ее из седовласого старца вдруг добрым молодцем за одну ночь обратился. За всю долгую жизнь Яромира пятой женой она ему приходилась. А вот детей поменьше бог дал царю – троих. И все сыновья.

Старшего, тридцати лет отроду, звали Святослав. Среднего, пятнадцатилетнего сына – Добрыней величали. А млад-

шего, которому минуло лишь девять лет – Иваном нарекли.

Серьезный старший сын был, наследник трона царского, особняком всегда держался и в глупости братьев своих не вязывался. Средний Добрыня учился славно, много знал да многое видел, но по течению плыл. Как в народе говорили, ни рыба, ни мясо царевич средний был. А вот младший – Иван вечно вязывался в неприятности и на месте усидеть не мог.

– Ох, Ванька, ох и бедовый ты! Ну чего тебя к этому барану понесло? – ворчливо приговаривала грузная Марфа – главная кухарка царских палат – прикладывавшая вымоченную в вытяжке тряпку к шишке с рубцом на голове младшего царевича.

Иван сморщился весь, на изюм кислый став похожим. Щипало рану от снадобья кухарского, но мужественно терпел сын царский.

– Так яйцо золотое хотел получить.

– Яйцо? От барана-то? – даже компресс Марфа убрала, вот как удивилась, глазами огромными на мальчишку взорвшись. – Кто ж яйца у баранов получает? Золотые к тому же. Только ты, Ванька, наверное.

– Так Добрыня сказал! – обиженно шмыгнул Иван, понурив плечи.

– И что он тебе сказал? Добрыня твой?

– Сказал, что вранье всё про Курочку Рябу. Что не несут курицы никаких золотых яиц. Обычные только. А вот если

яйцо под барана криворогого подложить, то на следующий день обычное яйцо в золотое превратиться. Я и подложил... точнее, попытался под Борьку засунуть. А он – дурак такой, как вскочил, как погнался за мной да бодать начал. Еще и яйцо растоптал.

Залилась Марфа смехом звонким сразу.

– О-ой, Ванька, – смахнув слезу, протянула она. – Не Борька дурак, а ты. Ни куры, ни бараны, ни другая скотина в золото ничего не превращают. А будешь Добрыню слушать, до беды в следующий раз достукаешься. Доиграешься, Иван, батюшка твой прознает про твои шалости, закроет в комнате учебной. До самых усов там сидеть будешь.

Приуныл Ваня, прикручинился, печально голову опустил. Знал он, что Марфа правду говорит. Грозился уже отец под замок посадить да книжки скучные читать заставить.

– Так. А где ухват мой? Не вижу, – у печи вертелась Марфа, отдав тряпку царевичу. – Чугунок-то мне чем доставать?

Заглянула за печь кухарка, по углам всем прошлась. Не видно нигде ухвата было.

– Ох, что за напасть такая! – причитала она, всплескивая руками. – Ванька, а ну-ка, глазами своими зоркими поищи.

Невесело Ивану было, печально, но не помочь кухарке не мог. Заскользил взгляд ясноглазый по углам, стенам да утвари кухонной. Не видно ухвата никакого. Хотел уже царевич сказать, что пропал ухват-то, как на задвижке печной приметил гостя нежданного. Маленький юркий серый человек со

злыми золотистыми глазками, носом-пяточком и капельными острыми зубками. Смеялся он беззвучно, пряча за трубой что-то. Спрыгнул Ванька со скамьи и заглянул за угол печи, задрав голову. Ну да, стащил Прядильщик ухват Марфин.

– Так вот же он, ухват твой. Прощка утянул! – показывая пальцем за трубу, где торчал черенок обтесанный, прозвенел радостно Иван.

– Ах, паразит проклятый! Сил уже нет проказы его терпеть! Только вот поймаю тебя, окаянный! – потрясала кулаком Марфа, подбегая к задвижке.

С громом повалился ухват на пол, а Прядильщик ловко на трубу забрался, словно мышь юркая в норку шмыгнула, на кирпичик выдвинутый уселся и хохотал, ножками дрыгая. Знала нечисть мелкая, что не видит его Марфа, как взрослые все почти. Да вот только забыл, наверное, что дети человеческие способны все их шалости разглядеть. Схватил Прядильщик кусок отсохшей глины с обмазки печной да запустил в Марфу. Метко попал, в голову прямо. Взвизгнула баба, раскричалась, краснея и ругаясь, затопала ногами. Вывел ее Прощка в этот раз окончательно.

– Всё! Пошел прочь с моей кухни, нечисть поганая!

Схватила Марфа мешок и подбежала к печке.

– Ну-ка, Ванька, скажи-ка, где этот прохвост сидит!

– Вон, на кирпичике трубном.

Мерзко ножки скамьи двигаемой взвизгнули, когда кухарка к печи ее поддвигала. Запрыгнула лихо на нее и попытка

лась Марфа Прядильщика в мешок поймать, да промахнулась. Заливаясь радостно, упрыгал Прошка на лежанку, затем в печурку, а там в подпечек. Повеселело Ивану сразу, пока указывал, куда нечисть бегают, а Марфа с мешком за ним. Да вот только на подпечке всё и закончилось. Забился туда проказник и сидит тихо, не вылезит. Но Марфа так просто сдаваться не собиралась.

– Давай, Ванька, доставай беса этого треклятого!

Всучила она мешок царевичу. Делать нечего, надо помогать. Знал Иван, что замучил Прошка уже Марфу. То и дело вещи от нее прятал да пакости мелкие устраивал.

Худенький царевич был, без труда пролез в подпечек и накрыл мешком заверещавшего серого человечка. Брыкался он, выбраться пытался, да Ваня крепко держал горловину. Не выбраться навью духу.

– Поймал, Марфа, поймал! – вылезая из-под печи, радостно крикнул перемазанный в саже Иван, тряся потяжелевшим мешком.

– Вот молодец, Ванька! Освободитель ты наш! – радостно хлопнула в ладоши кухарка, дыша тяжело и мшисто. – А теперь тащи его в Лес обратно, откуда он и вылез. Выкинь мешок за частокол, чтоб выбраться тварь эта темная не смогла. Да только сам смотри не вздумай за него идти!

– Далеко в Лес идти, Марфа, не охота мне. Пусть Федька бежит, – заартачился царевич.

– Иди, иди. Федька на речи этого нечистого купляется по-

стоянно. Пять раз его уже относить пытался. Иди, а я батюшке твоему про барана смолчу тогда.

Хитро подловила кухарка Ивана.

– Ну ладно, – вздохнув, печально протянул он и поплелся к выходу, на плечо мешок закинув.

Долго тащил царевич гадкого проказника. Через деревню Марьинку; через поля пшеницы сочной шелковой; через мосток-ободок над речкой чистой Шепталкой звавшейся, а он-пакостник сидит в мешке да жалобно всё приговаривает:

– Вань, а, Вань, выпусти меня. Ну поиграл я немного. Так это оттого, что скучно мне. Марфе и самой весело было. Вань, тебе ль не знать, как поиграть порой хочется. Выпусти меня, не кидай за частокол. Страшно мне там. Я ведь маленький еще, а там духи взрослые уже живут, темные. Съедят меня, ни косточки не оставят. Отпусти, Вань. Я не буду Марфу больше донимать, тихо-тихо за печкой жить буду.

Идет царевич упрямо и не слушает лукавого Прядильщика. Его и Прядильщиком потому прозвали, что слова умеет тонкие подбирать, как ниточки прядельные. Всегда знала нечисть эта, где на жалость надавить, где на гордость, а где и обмануть наивного путника. Больше всех их из Лесов выбралось, и сладу с ними никакого не было. Знал это Иван, поэтому и шел вперед, слушая Прошку так, как комара писклявого.

Деревья высокие в стволе широкие расступились перед царевичем. Забился в мешке Прядильщик, почуяв земли ду-

хов темных близко, пуше прежнего взмолился выпустить его, но остался нем и глух Иван, топая напрямиком к частоколу, через кусты да кочки. Не боялся он Леса страшного. Много раз здесь был, грибы да ягоды собирал, с детворой деревенской в трещетки потешные средь зарослей да на солнечных полянах играл. Не пугали его духи местные. Добрые они тут были. Старик Леший; Айтарки веселые, в цветах живущие; русалки улыбочивые в озере, что близ частокола разлилось зеркалом серебряным; Листовки, на деревьях птичек щекотавшие; Полевик-разбойник; Сатиры козлоногие и много других детей Леса встретить здесь легко.

Все тропы Иван знал, быстро до частокола добрался и уже хотел бросить мешок верещащий через острые бревна-пики, да смех звонкий, будто родниковый ручеек, его отвлек. С озера доносился он. Повернулся туда Иванушка и увидел русалок плескавшихся у самого берега, а на берегу девочку с косой белой-белой, будто снег, до самой земли тянущейся. Она-то и смеялась громко. Странно это царевичу показалось. Редко русалки днем выплывали. Вечер они любил да ночь в особенности. Что их со дна пробудило в рань такую?

Замер Ваня, наблюдая, как склоняется девочка незнакомая к русалкам и каждой цветочек маленький-аленький дарит. Тонкими пальцами забирали дары озёрницы, улыбались, легко касались щек молочных гостью своей, оставляя блестящие следы воды ласковой. Трогали косу ее длинную, восхищаясь цветом чистым.

«Что это за девочка?», – дивился про себя Иван.

Всю деревенскую да градскую ребятню знал он, от младенцев розовощеких до отроков шепутных, а эту первый раз видел. Может новый дух какой в Лесу завелся?

Даже Прошка за спиной притих, подумал, наверное, что Ванька внял просьбам его, оттого и сидел тише воды, ниже травы теперь. Надеялся.

– Эй, девонька! – крикнул царевич, любопытством замученный. – Ты кто? Как звать тебя?

Подняла взгляд девчонка. Глазами синими-синими, как камня драгоценные, посмотрела на Ваньку, что сердце его тихо замерло. Русалки тоже обернулись на окрик, узнали царевича сразу.

– Ванечка, дружок наш, зачем к озеру пожаловал? – вынырнула у самого берега Ивана сероволосая хозяйка вод лесных с глазами прозрачными да кожей бледной. – К частоколу зачем подошел? Уходи, милый друг. Опасность за ним кроется. Ты же сам знаешь.

Хотел ответить Ваня про Прядильщика-безобразника, которого Марфа из дома выгнала, но не успел. Забурлила вода в центре озера, пузырями пошла, волнами к берегам разбегаясь. Обернулась и русалка, с царевичем беседу ведущая. На поверхности пенящейся, макушка болотная показалась зеленая мохнатая, а за ней глаза круглые рыбы. Знал царевич кто это. Удивился сильно. Водяной пожаловал на свет. Редко он поднимался. Люди нечасто его видели. Лению сла-

вился дух озера. Всё на дне спал, русалок да рыб гонял, чтоб не мешали. А тут вдруг поднялся.

– Кто это к нам пожаловал? – низким голосом забулькал Водяной, полностью подняв свою рыбью голову с толстыми усами, как у сома. – Что за гостья у нас такая необычная?

Рябью пошла вода в озере, когда медленно поплыл Водяной к берегу.

– Дары я принесла вам. Задобрить духов водных, – ни капли не страшась, ответила девочка. – Цветочки маковые редкие вам пожаловать. Водным жителям они радость приносят. Держи и ты цветок, хозяин озера.

Удивился, кажется, Водяной. Не ожидал он, на краткий миг, даже остановился посередь пути, но увидев, как девочка к краю острого зеркала озерного присаживается и тянет аленький цветочек, вновь поплыл. Не понравилось это Ивану. Знал он, что детей обычно духи воды не трогают. Только взрослым бояться стоило. Мужам – русалок стороной надо обходить, а девам красивым к Водяному подходить не следовало. Но всё равно Ваня за девочку испугался, а вдруг Водяной решит утянуть на дно ее?

Раскрутил он мешок быстро да кинул за частокोल вместе с Прядильщиком, чтоб отвязаться от него скорее, после чего припустил к неразумной девчонке. Кружили по озеру русалки. Волновались они, но ни слова не вымолвили Водяному. Боялись его. А дух озерный всё ближе и ближе к берегу подплывал. Тянула девочка ручку свою хрупкую с цветочком,

еще пара гребков и схватит ее Водяной, утянет на дно темное. Ваня видел, что никак не успевает. Припустил пуще, на ходу камень тяжелый подобрал и как запустил со всей силы в жабу эту уродливую.

Промазал царевич. Громкий «бульк!» известил об этом. Водяной даже не обернулся. Протянул он руку свою с пальцами синими перепончатыми к цветочку. Испугался Ваня, крикнул громко:

– Не тронь ее, пиявка болотная!

Подняла свой взор девочка синеглазая, улыбнулась царевичу ласково, нешуганая и непуганая. И Водяной обернулся на окрик, изумленный, с цветочком аленьким в руке некрасивой. Будто сам он удивился, что цветок взял, а не человеческую девочку на дно утащил.

– А-ну плыви давай отсюда да в ил закапайся, а то выловлю тебя, и за частокол выброшу! – грозно кричал Иван, подбегая к девочке.

Злился он сильно на глупость девичью, на русалок молчаливых, на Водяного коварного. Не боялся духа опасного и верил истово в то, что кричал, исполнить намеривался, хотя и головастикам ясно было, что неосуществима угроза Ванькина.

– Что, царевич, подумал ты, что украсть могу создание такое нежное? – забулькал насмешливо Водяной, оскалив рот свой с зубами острыми, колючими.

Иван только-только подбежал и с силой дернул девочку за

руку, оттаскивая от озера и спиной худой ее загораживая.

– С дарами ведь пришла она. Можно ль коварством ответить разве? Задобрила душенька меня, порадовала, подмаслила цветком Рассвета. Дружить теперь всем озером с ней будем.

– Не ври, болотник пучеглазый, русалкой хотел ее сделать! Захохотал Водяной, пузыри по озеру пуская.

– А что плохого в русалочьей доле? Хорошо у нас в озере, привольно. И рыбы вкусной хоть отбавляй. Но не бойся, царевич, не время ей пока русалкой становиться, мала еще.

– Ты – вот, что плохо в русалочьей доле! Плыви давай отсюда, к лягушкам своим, и не всплывай больше!

Веселился Водяной, забавлял его Иван. Улыбнувшись еще разок широко и страшно, обратился навий дух к девочке:

– Не бойся озера лесного. Друзья у тебя в нем теперь, нет опасности в заводи. Приходи, поболтаем. Как звать тебя?

– Варварой маменька нарекла, – тонким голоском простибетала девочка.

– Тихо ты! Нельзя Водяному имя свое говорить! Пошли скорее отсюда! – разозлился пуще прежнего Иван, потащив глупую девчонку прочь от озера.

– Ох, царевич, не умеешь ты друзей заводить, – донеслось им вслед. – Понадобится тебе помощь, обратишься ко мне, а я не помогу.

– Я у жаб болотных помощи просить не стану, – кинул

через плечо Ваня, слыша смех позади, а затем плеск.

Когда вывел на полянку лесную, покрытую земляникой красноглавой, остановился царевич да грозно к Варваре обратился:

– Ты что! Совсем с разумом разругалась? Разве можно с Водяным дружбу заводить да имя свое вслух при нем проносить? Всё теперь! В любой водоем он за тобой прийти сможет и утащить к себе.

– Смешной ты. Навьи духи простые. Жадные они. Задабривай их время от времени, и горя знать не будешь. Не принеси я Водяному цветочек, так утащил бы он меня. А сейчас он съест его, ляжет на дно и сны приятные видеть будет долгие дни. Цветок Рассвета ему негде взять, только я его принести могу. Не будет дух жадный меня теперь утаскивать, даже когда в отрочество войду. Русалок у него много, а тех, кто усладу нектара редкого принести может – нет. Еще и перед другими духами будет защищать меня отныне.

Призадумался Иван. Не знал он такого о темных обитателях вод. Но звучало правдиво. Хотя то, что Водяной не утащит такую красивую девочку, царевич не мог поверить.

– Всё равно, нельзя навьим духам имя свое называть, – упрямо проворчал он.

– Можно, коль в услужение к себе хочешь заполучить их.

Хитро улыбалась Варвара. А Иван непонимающе смотрел на нее. Не слышал он никогда, чтоб духов вредных подчинить себе можно было. Сами они хорошо больно разум людской

одурманивали речами своими, поэтому и из Леса так просто выходили.

– Как это? – глазами хлопал царевич.

– А не скажу я тебе. Вдруг духов моих к себе переманить вздумаешь, если секрет тебе раскрою, – лукаво-лукаво прищурив синие глазки с ресницами пушистыми, смешливо проговорила Варвара.

– Духов твоих? А у тебя их много?

– Много. И Полевик на зов мой приходит, и айтарки, и Зыбочник, и Дуплич, и лесовки, и Зазовка, и Аука, и Туросик, и Полудница, и даже Полуверница. К каждому подход нашла я, каждого задобрила.

Подивился Ваня. Ладно, айтарки и Дуплич – мелкие духи это, безобидные. Но лесовки, Зазовка, Аука – опасные они, дурят, заманивают в чашу темную глубокую, за частокол приводят, и никто не знает, что происходит за оградой запретной.

– Зачем они тебе? – пытался понять царевич.

– Как я тебе расскажу, не зная, кто ты таков?

– Иван я, сын Яромира Благословенного.

Улыбнулась девочка широко лучезарно.

– А я – Варенька. А ты царевич, значит. Не обманул Водяной. Маменька говорит, что из-за батюшки твоего нечисть вся эта из Леса выбралась. Добро твой папенька сделать хотел, а, получается, зло принес. Беду.

– Неправда! – обиделся Ваня, грозно брови светлые на-

хмурился. – Лес людей кормит и поит.

– А сколько людей погубил Лес? Сколько навья нечисть душ себе забрала? Много, Ванечка, много. Маменька говорит, что батюшка твой не с добрыми помыслами на самом деле в Лес вошел, оттого Лес злом и отвечает. Забрал что-то твой батенька у него. Нет, не грибы, поленья да ягоды, а что-то, что нельзя брать было. Не для мира людей дар создавался, а Яромир забрал.

– А кто маменька твоя такая, чтоб про отца моего так говорить? И ты кто такая, чтоб повторять слова ее вредные?

– Ванечка, то, что слова мои тебе не по нраву, не значит, что вредные они. Правду я говорю, оттого и не нравится тебе слышать ее. Правда-то – она колючая обычно. А маменька моя та, что больше других от «благ» лесных пострадала. Седовласый Свидан обманул ее. Прикинулся возлюбленным давним, задурманил голову и сердце, чтобы из Леса выйти, а потом исчез. Воспоминанием стал, как эхо гулким. Ничего от него не осталось. Я только. А матушка всё никак забыть не могла, искала его. В Лес опять бросилась, у всех духов помощи просила, за частокол даже отважилась ступить. Сама Навь ей там повстречалась. Помочь обещала. Да только маменька правду узнала, что не возлюбленный ее вдруг пропал, а Свидан коварный. Отказалась она от помощи Нави, а та разгневалась и обратила ее в белую цаплю. Но прознала об этом Правь светлая, жалилась, когда узнала, что дитя есть у нее. Ослабила проклятье, да только снять полностью не смогла.

Ночью маменька в птицу оборачивается, а днем человеком ходит. Полу-навий дух она отныне, но как только минет мне восемнадцать зим, заберет ее Навь, а я одна останусь.

Мы поэтому и не живем среди людей, в деревнях местных да граде молодом. В низину горы Синезубой перебрались, чтоб спрятать матушкин недуг.

Закончила свой печальный рассказ Варенька, поразив царевича до самой души. Вот только не казалась она грустной, и горечи не отражалось в глазах васильковых.

– Не смог бы я так, как ты, – хмурился Иван. – Как дружишь ты с духами навьими? Зачем дары носишь, коль обманули они твою матушку, а значит и тебя? Не уразумею что-то я.

Улыбнулась девочка задорно, подалась чуть вперед, склонившись, и подманила Ваню к себе. Шепнуть на ухо она хотела ему. Подчинился царевич, желая ответ услышать:

– Хочу я маменьку освободить от заклятья навьего, – тихо зашептала Варвара, ладошкой отгораживаясь, чтобы Листвич не расслышал, сидящий в тени ветвей дуба, да Хуха, что тайны, оброненные в лесу, собирает, по губам прочитывать не смог. – Хочу избавить людей от проклятья колдуна лесного, которое благостью прикидывается. Хочу, чтобы в Лес безбоязненно войти можно было, не опасаясь, что духа пакостного в кармане домой принесешь.

– Разве возможно такое? – подивился царевич. – Кто отважится колдуну лесному вызов бросить?

– Те, у кого выхода нет иного, Ванечка. Мне придется люд честной от чумы лесной освобождать.

Печально улыбнулась Варвара, будто и правда выхода иного у нее не было.

– Что ты! Разве можно тебе? Ты девочка да еще и маленькая. Нельзя тебе! Пусть взрослые с этим маются!

– Эх, Ваня, не хотят взрослые с колдуном связываться. Боятся. А если я сейчас сложа руки сидеть буду, превратится моя мама в птицу и улетит в дальние края, позабыв обо мне, будто и не было дочери у нее никогда.

Насупился Иван. Правду Варвара говорила, все, кого знал он, боялись лесного хозяина. Шепотом о нем говорили, со страхом в голосе. Не пойдут они за частокол. Но и оставить девочку одну не мог царевич.

– Нет, не гоже тебе этот путь одной проходить. Нельзя даже.

– Знаю, Ванечка, да делать нечего. Никто мне не поможет, сама справляться буду.

Не мог Иван девочку одну в ее беде бросить. Не боялся он духов лесных, а значит, и колдуна не испугается. Братьев помочь попросит, а вдруг согласятся?

– Я тебе помогу, – уверенно кивнул царевич. – Только что делать нужно? Как колдуна одолеть можно?

– Ш-ш-ш-ш! – испуганно приложила палец к губам Варенька, заозиравшись кругом да в небо взгляд тревожный бросая. – Нельзя громко поминать колдуна. Побежали ско-

рее.

Схватила девочка за руку Ивана и побежала прочь с лесной опушки. Хватали за сарафан белый Варвару смешливые айтарки, прыгал с ветки на ветку Зыбочник, провожая их до самого края Леса, пока не выбежали дети в поле пшеничное. Остановили бег они, медленней пошли в сторону горы Синезубой.

– Колдуна победить можно, силы его лишив, – тихо проговорила Варенька, опасливо оборачиваясь через плечо тонкое. – Он трех богинь у себя на службе обманом держит, поэтому всемогущ и всемогущ. Он Дерево Жизни расколол однажды и выпустил их в мир. Не поняли сразу Правь, Явь и Навь, куда путь судьбиный их вывел, этим и воспользовался колдун. Свет Сил, что течет по жилам их божественным, забрал и в сосуд маленький заключил его. А сосуд этот в сердце свое каменное поселил. Этим и привязал к себе трех сестер, что слышат его сквозь время и расстояния. И никто не может освободить их. Лес Сумрачный – дом и тюрьма для них отныне. Поэтому дивные вещи там находятся. Яблони с яблоками молодильными – от магии Яви родились в Лесу. Источник с мертвой водой – Навья заслуга, а с живой – Правья. Много и того, что вместе создали сестры. Птицы, к примеру, что из мертвого стекла, а живут и дышат. Сады спящие да дворец хрустальный. Всё это они сотворили, а не колдун.

– Как же тогда освободить богинь, коль колдун сосуд в сердце свое спрятал? Даже сестры всемогущие не смогли се-

бя спасти, как нам тогда им помочь? – почесал затылок Иван, топая сквозь колоски игривые за Варварой.

– Говорят, когда-то давно колдун любил сильно девушку одну. Но он сердцу ее не мил был, за другого замуж вышла она. После этого озлобился отвергнутый, ударился в учения темные. Сердце свое в камень превратил, чтобы никого никогда не любить больше. Проклятье это страшное. Но как есть три сестры Правь – Свет, Явь – Мир и Навь – Тьма, так и каждое темное проклятье можно снять миром или светом. По слухам, каменное сердце отдать сможет сосуд, только если вновь забьется. А забиться оно может, только если полюбит. В тот момент нужно будет спицей серебряной его проткнуть, сосуд же разбить немедля. Тогда-то соединится Древо Жизни, заключив в себя богинь со всеми их спутниками, вернув обратно в царства, что созданы для них, и куда нельзя попасть без их согласия. Только так можно спасти людей и матушку мою.

Задумался Иван. Сложно будет выполнить столько непростых условий. Как полюбить сможет колдун, если сердце его каменное? Не понимал царевич.

– Откуда ты узнала это?

– Маменька, когда в цаплю оборачивается, в Лес летит, а здесь за всеми птицами Птичич следит. Приглянулась она ему, полюбилась. Помочь он ей решил, поэтому и рассказал единственный способ, что освободить ее может.

– Ну, хорошо. А как тогда мы будем этот план в жизнь

претворять? – с сильным сомнением спросил Ваня.

– Нам нужно как можно больше духов задобрить. Любить они меня должны. Подскажут тогда темные, как дальше нам быть. Посоветуют. Ты сейчас иди домой, а завтра поутру, когда солнце еще спать будет, приходи к горе. Соберем мы с тобой лунные цветы для Хуха. Не жалует он меня пока, а больше всех в Лесу тайн знает. Его нам надо задобрить так, чтоб лучшим другом нашим стал.

***

Долго задабривали Иван с Варварой духов навьих, живущих пред частоколом. Всех уважили, все с ними дружили, только Хуха никак не желал сблизиться с людьми. Осторожный был, хитрый. Ваня с подружкой своей белокурой уже пятнадцать зим разменяли, а никак добиться расположения духа тайн не смогли. Даже Леший – покровитель всего Леса, поддался за дар камней рубиновых, что Ванька из ларца батюшкина стащил, а Хуха не принял ни цветы лунные, ни жемчуг перламутровый, ни редкий хрусталь горы Синезубой. И никто подсказать не мог, что желает дух привередливый. Так и мучилась Варвара в поиске постоянном дара подходящего. Три года осталось до отмеренного срока, и матушка ее белой птицей вспорхнет и навсегда покинет людской мир.

Иван же давно не из-за духов в Лес ходил, а чтобы с Ва-

ренькой побыть, в глаза синие, словно колокольчики весенние, посмотреть, да смех ее задорный послушать. Не верил он, что колдуна всемогущего победить они смогут. Попытался царевич братьев своих старших убедить помочь. Но Святослав посмеялся и отмахнулся лишь, сказав, что ерунду Ванька молвит, не избавиться от духов навьих, они были и есть всегда, а девчонка из Леса наврала ему с три короба.

Добрыня отзывчивей оказался. Выслушал он брата младшего своего, поведывавшего о делах темных отца, будто забрал он что-то из земель колдуна, оттого и заплонила нечисть царство людское. Отказался он в Лес ходить с Иваном, чтоб духов задабривать, но тайну, хранимую отцом, сказал, что постарается выяснить.

– Эх, Ванечка, не всё так просто, – плетя венок из одуванчиков, вздохнула Варвара, сидя в поле с другом своим. – Лишь Хуха знает, какие тайны хранятся в каменном сердце, и что творится в головах трех сестер. Да, узнали мы, как добраться до поляны волшебной, на которой древо необычное растет, в замок хрустальный обращаясь. Но дальше неизвестно нам, как действовать. Как сердце колдовское растопить? Как слуг его обойти, чтоб поразить спицей серебряной? Не знаем мы, а Хуха неприступен.

Доплетя тонкий обод с золотыми пушистыми шапками солнечного душистого цветка, Варенька водрузила его на голову царевича, травинку задумчиво жующего да синеглазую девоньку рассматривающего.

– Так знаем же мы, как растопить сердце. Сама говорила, что влюбиться колдун должен. Вот только кому долю такую отчаянную поручить?

Ухмыльнулась Варвара, поправляя венок из одуванчиков на своих волосах, куда васильки да ромашки вплела для пущей красоты. Ничего не ответила. Лишь в кучку сорванных цветов руки погрузила, выбирая поинтереснее для нового украшения. Нахмурил Иван брови свои густые. Не понравилось ему молчание Варвары. Упряма она была и своенравна, уж если чего в голову вобьет, то и кулаками оттуда не выбить.

– То ли молчишь ты, Варенька, то ли я оглох да ответ твой не услышал. Неужто ты сама вздумала к колдуну на закланье отправиться?

– А кто ж еще, кроме меня, Ваня, согласиться пожелает?

Спокойно выплетала девица колоски сочные с цветами яркими, будто давным-давно судьбу свою решила. Разозлило это Ивана.

– Не дури, Варя, не пушу я тебя к колдуну. Другой способ найдем.

– Какой, Ванечка? Ну какой? Ты и с Хухом не нашел, здесь тем более не отыщешь, ибо нет другого способа. Сам, разве что, в девичьем платье подашься. Да вот только вряд ли от этого колдовское сердце чаще биться начнет. Хотя пузо от смеха у него может и треснет.

– Я сказал, что нельзя тебе...

Не окончил царевич речь свою сердитую. Черная тень,

скользившая по полю и накрывшая головы их прохладой синей, отвлекла его. Поднял Иван взгляд ввысь, в небо ясное с диском полуденным жарким. Коршун черный раскинул крылья широкие, лучи солнечные собой заслоняя. Подивился Ваня размерами птицы. Да вот только удивление быстро тревогой сменилось. Не улетал коршун никак, кружил всё над ними.

– Чего это он? – подозрительно спросил царевич, на ноги поднимаясь.

Варвара следом за ним поднялась, голову к небу задирая.

– Непростая эта птица, Ванечка, – шепотом произнесла девица, со страхом в глазах. – Бежим скорее!

Схватила Варя за руку друга и помчалась в сторону дома своего, к подножью горы синей.

– А чего бежим-то? – дивился царевич, на ходу за птицей поглядывая, что от них не отставала. – Пернатого испугались?

– Не птица это, Ваня! Слуга чародеева! Не в Лесу мы, а значит, за нами прислан он! Нельзя мне еще к колдуну! Не знаю я, что делать да как быть там!

И только вымолвить она успела это, как громко крикнул коршун в вышине. Увидел Ваня, как золотая семечка выпала из клюва черного и стремительной звездой сорвалась на землю. Но не в траву упала она, а прямо на темечко Варе. Ахнула девица. Ноги ее подкосились, и упали беглецы прямо на землю пряную.

– Ой, – выдохнула Варвара, когда все члены ее уменьшаться начали и белым мягким мехом покрываться.

На голове уши длинные пробились, а лицо в мордочку острую вытягиваться начало.

– Ваня, опоздали мы! Ты знаешь, как добраться до колдовского дворца, – вдруг яростно зашептала девица, пока еще говорить могла. – Но просто так ты не пройдешь. Я всё собрала в мешок наплечный, он в сундуке, в доме маменькином лежит. Там всё, кроме спицы...

Не договорила Варвара. В зайца белого пушистого обернулась. И не успел Ваня и глазом моргнуть, как коршун схватил ее в лапы когтистые и взмыл в небеса, улетая в сторону Леса Сумрачного.

Бежал он следом долго, пока не понял, что не поймать и не поспеть за крыльями сильными. Развернулся в сторону града и ринулся за мечом своим верным да луком тугим.

В палатах царских Иван с братом Добрыней столкнулся. Хотел мимо пробежать, ибо не до бесед светских ему было, но схватил старший царевич его за руку крепко.

– Ванька, узнал я батюшкин секрет, – зашептал горячно он, по сторонам воровато озираясь. – Забрал он дар волшебный из Леса Сумрачного. Правду та девчонка тебе сказала, поэтому люд честной от нечисти поганой теперь мучается.

– Добрыня! – в дальних комнатах поднялся гневный крик отцовского голоса.

Вздрогнул Добрыня испуганно, как болотный пузырь в за-

води лопнул. Обернулся резко, а после затараторил спешно, в руки Ване платок с чем-то круглым пихая:

– Беги, Ванька, скорее! Верни обратно в Лес, авось поможет это земли наши от духов навьих освободить. Беги, а я отца пока отвлеку.

Послушался Иван брата своего, схватил платок, неглядючи, и побежал в покои свои. Забрав оружие, поспешил он за мешком, что Варвара в сундуке схоронила. Не думали они, что так скоро понадобится им ее поклажа. Не было в доме под синей горой ни души, не стал печалиться царевич по этому поводу, не хотелось ему время тратить на объяснения матушке Варвариной. Закинул он за спину мешок с добром и ринулся в сторону Леса мрачного.

Только ступил на земли проклятые, как тут же взволнованные айтарки из цветов повыпрыгивали, а Листовки с веточек защебетали:

– Ванечка! Ванечка! Коршун Вареньку нес! Видели мы! Видели! За частокол унес! К хозяину потащил! Беда, беда, Ванечка! Спеш, а то поздно будет!

– Спеш... Спеш... Ванечка... Ванечка... У порога... порога... дворца... дворца... хрустального... тального... опаздываешь... аздываешь... – эхом предупреждал взволнованный Аука бегущего со всех ног к частоколу Ивана.

Зазовка ему вторила, из-за ствола дуба выглядывая. А когда царевич к озеру подбежал, русалки уже всю воду замутили в озере чистом хвостами своими.

– Ванечка, поспеши, милый дружок. Колдун вот-вот увидит Варвару, и не будет ей дороги назад больше, – будто горные ручьи голоса их заструились.

И без них знал всё это царевич, пугали они его только больше своими словами. И без того спешил на пределе своих сил, да вот только он-то не коршун вовсе, не вспорхнуть ему в небо да не взлететь над кронами могучими. Ногами-то оно подольше перебирать. Поэтому бежал Ваня, боялся да злился на духов задобренных, что не помогали больше, а вредили своими подгонялками.

Частокол встретил царского сына высокими бревнами и острыми пиками. Выбрав место, где обтесанные колья пошире стояли, Ваня взял разбег да с силой от земли оттолкнулся. Да вот только высок забор был, едва царевич на самое острие не попал, как подхватил его порыв ветра холодного и подбросил над частоколом, перебросив на другую сторону.

– Беги, Ваня, беги скорее... Освободи Варвару... – прошелестел тихо ветер, по ту сторону преграды.

– Спасибо, Лесовик! – поблагодарил Иван и бросился вперед, не оглядываясь.

Сумерки плотные властвовали в закрытой от людей части Леса, будто не день в мире царил, а ночь землю укрывала. Не позволял Ваня смутить себя страхом, бежал и бежал вперед. Пока не услышал музыку странную. Тонкий дух мелодии струился над дымкой сизой, ползущей над темной травой. То змеился тихо над землей он, то взлетал чуть громче

ввысь, запутываясь в листьях черных, то вновь опускался к кустам, лаская тонкие острые веточки-лапки. Чудная музыка лилась, завораживающая. Но знал Ваня, что поддаваться ей нельзя. Сатиры темные голову дурманили своими флейтами, прячась в тени деревьев. Заманить хотели в чашу непроглядную, чтоб дриадам подарить путника редкого, в жертву принести его богиням прекрасным.

Оглядываясь, потянулся царевич к мешку, запуская в него руку и нащупывая дудочку ясеневую. Выхватил быстро он инструмент свой и подул нежно. Заструилась песнь тонкая, но звонкая. Весельем разбивала она мрак и грустные ноты сатирических мелодий, следуя за ловкими пальцами Ивана, пляшущими над «голосами».

Затихла «обманка». Заслушались козлоногие новую песнь. Заметил царевич, как из-за черных стволов головы рогатые показались. Играл он, не останавливаясь, пока не вышел один из демонов плодородия из-за спины дуба необъятного.

– Пройти хочешь, путник? Хороша твоя мелодия, да не хватает ее, чтоб уважить души наши. Спой гласом своим. Коль по сердцу придется нам песня твоя, пропустим дальше, а нет – останешься здесь навеки.

И об этом Ваня загодя знал. Подготовился он заранее, не думая долго, сразу запел голосом своим низким сломавшимся старую русскую песню:

– Пойду-выйду я в чисто поле.

Сорву-вырву я цвет медовый.
Ветер свистнет, как сокол на воле,
Улетит лихой в край суровый.
Улетит-забудет степь цветущую,
Прилетит-увидит жизнь он чуждую.
Красоту земли, душу рвущую,
Дорогую, броскую, но ненужную.
Душа Ветра силу любит и раздолье,
Песнь задорную, пляски вольные.
Во родном краю жить привольнее,
А в чужом мы с ним обездольные.
Пусть летит свистун, пусть мечется,
А я цвет сорву сладкий маковый.
Погуляет он да обратно вертится,
Ляжет рядом он на стог злаковый,
И уснем вдвоем, в поле скошенном,
До весны забудем слезны горести.
Спать мы будем снегом припорошены,
Чтоб проснуться вновь для любви и радости.

Вытянул последнюю ноту царевич и замолк. Десять сатиров вышли послушать его. Смотрели глазами черными, немигающими, будто душу заколдовать хотели. Но стихла песнь, и спало оцепенение с козлоногих. Сатир, что слово держал, ухмыльнулся лихо, обнажив зубы острые цветом желтые, и, кинув взор на рыжешерстного собрата своего, молвил:

– Что ж, неплоха твоя песня, путник. Поддались сатиры ей, приуследились слухом. Да вот только коротка она. Спой еще.

– Нет, – сказал, как отрезал, Иван. – Некогда мне песни тут распевать. Уговор был – уважить души ваши песней, тогда пропустите дальше. Сам сказал, сатир, что понравилась она вам. О длине – уговора не было.

Рассмеялся рогатый, бородкой козлиной затрясаясь.

– Верно. Верно. Ладно, путник. Мы народ честный, пропустим тебя. Уважил ты нас, поэтому совет дам на прощание. Берегись, куда б ты путь свой не держал, и какой бы тропкой не шел, опасайся каждого звука, каждого шороха и каждого, кто помочь желает.

Предупредив, сатиры с тенью слились. Скрылись за кустами и деревьями, растворившись в темноте, будто и не было никого. Ваня хотел сказать, что и безо всяких козлоногих это знает, но не стал. Спешил он.

Бежал молодец, перепрыгивая пни да деревья поваленные, углублялся в чащу. Всё мрачнее и зловещей становилось. Тишина густая висела. Лишь тяжелое дыхание бегущего Ивана слышалось.

Не боялся царевич духов встречных с препятствиями их смертельными. Известно ему было, как минуть их. Главное до первой реки добраться. Вот где сложности могли возникнуть.

Легко Ваня прошел Шептуна, что разум пытался запутать,

дорожки в болота пытаюсь указывать. Братом Ауки он был. Аука подсказал, как с ним справиться. Стоило услышать шепот легкий, будто голос свой собственный, что сомнениям поддавался, сразу нужно было рисунок яркий на ближайшем дереве известью белой нарисовать. Отвлекался дух любопытный и отставал от путника, а как только нагонял, Ваня вновь рисовал. Ему Манила помогал, голосом Варвары то помощи просил, из-за кустов дальних да темных, а иной раз криком кричал ее страшным, душу выхолаживающим, заманивая в топи болотные, ямы глубокие и обрывы широкие.

Но не поддавался царевич. Договорились они сразу с Варенькой, как только узнали о Маниле, что что бы не происходило с ними, заблудятся если, кричать и манить не будут друг друга. О слове секретном условились – цапля белая. Услышит если кто из них это, не Манила значит зовет.

Сбить его с дороги правильной пытались и голоса, и звери даже. Но упрямо бежал вперед Ваня, пока к реке широкой не вышел. Бурно бежали воды темные. Так быстро и яростно, что точно царевич знал – не сможет переплыть на другой берег. Снесет его и утопит поток мощный.

В ней прыгали рыбки серебристые. Значит, к берегу Живой реки вышел Ваня. И стоило подумать об этом, как десятки голов русалочьих показалось на бушующей поверхности. Однако не сносило навых дев потоком.

Подплыла почти к ногам самым Ивана бледная водяная с глазами блёклыми, как стекла прозрачными, и лицом

обрюзгшим, будто свеча потекшая. Некрасивая была русалка. Никогда таких царевич не видел, растерялся даже малость. А когда заговорила рыба дева, словно ворона закаркала, так и вовсе вздрогнул.

– Что привело тебя к реке Живой, реке Праведной, путник?

– К хозяину Леса я путь держу. Пройти я реку хочу. Минуть ее да за спиной оставить.

Растянула русалка губы жабы, зубы гнилые показывая. Рассмеялась, да только не голосом, а сипом кузнечного меха.

– Можно реку эту пройти и даже минуть. Но не без нашей помощи. Великая Правь пустила бурный поток этот, и чтобы войти в воды священные, нужно испытания пройти. Но испытания не силы, а разума и духа. Отгадать ты должен, путник, три загадки. Одну отгадаешь – войти в реку сможешь, но доберешься или нет, от тебя зависит. Две отгадаешь – войдешь и точно берега другого достигнешь, вот только, когда дойдешь до следующей реки, где жизни нет, не сможешь вод ее коснуться, не умерев. А все три отгадаешь – минешь и эту реку и реку Нави.

– А если ни одной не отгадаю? – уточнил на всякий случай Иван, ведь не силен он был в науках умных.

– Тогда с нами останешься. Женихом нашим станешь на дне речном.

Оббежал взглядом Ваня всех собравшихся русалок. Те, что замерли на середине буйного потока, красивее, конечно,

были, чем эта рыба отъевшаяся, но и с ними ему знакомиться ближе не желалось. Делать нечего, иначе не добраться ему до Варвары. Вздохнул тяжело Иван.

– Загадывай загадки свои.

– Первая простая совсем, отгадаешь ее, не бойся. Слушай, путник: «В воде родится, а воды больше всех боится»? Минуту даю тебе на разгадку.

Всплеснула хвостом сильным русалка, забрызгав царевича холодными брызгами, и толстые руки с когтями синими на берег вытащила. Не отгадает – в тот же миг утащит, даже дернуться не успеет он.

Не стал отвлекаться Ваня. Думать начал усиленно. Про всякое размышлял, и про животных, и про рыб, и про духов даже. Но все они, коль рождались в воде, так страха не питали после. Тогда-то и понял он, что не там ищет. Не живое что-то рождается...

– Ответ я жду, добрый молодец, вышло время на раздумье, – хищно зубы свои колкие ооскалила водяная. – Что в воде родится, а мать свою боится?

Испугался Иван, что ответа не нашел, бросил беглый взгляд в сторону и увидел папоротник стрелолистный, а на нем паутину с моросью белой водяной, будто кто муку просыпал. Или не муку, а соль...

– Нет ответа у тебя?

– Соль! Соль! Это соль! – выкрикнул Ваня, вспомнив вовремя, что соль у них в озере Белом добывают столбами, да

вот только в воде крупицы мелкие исчезают бесследно.

– Верно, молодец, – недовольство скривило губы уродливые. – Соль это. Слушай тогда вторую загадку: «Что не сохрет никогда да не обманет»?

Принялся думать Иван. Вновь не сразу отмел он варианты живые, от волнения забыв с какого слова вопрос начинался. Что? А значит опять что-то неживое. И что-то это, с чем человек часто сталкивается. Не так уж и много вариантов у Вани было. Хотел ответить он «эхо». Но спохватился быстро, понял, что эхо повторяет всё за тобой, и ложь с легкостью вторит. Один вариант оставался только.

– Зеркало? – больше спросил, а не ответил царевич.

Нырнула суетно толстая русалка под воду и вынырнула, раздраженно стуча плавником широким.

– Верно, зеркало. Проведем мы тебя через реку, путник, но вот пройдешь ли ты чрез Мертвые воды, зависит от того, разгадаешь ли третью загадку. Слушай: «Что тебе принадлежит безраздельно, однако пользуются другие этим в сотню раз чаще, чем ты сам»?

Вот здесь испугался Иван не на шутку. Всё добро свое в голове перебирал. Да вот только чем другие чаще него самого пользуются, вспомнить никак не мог. Истекали капли времени отмеренного, а ответа не виднелось.

– Что же это, путник? Что тебе принадлежит, а другие этим пользуются?

Не знал Ваня, отчаялся сразу. С печалью кинул взор на

реку громкую, с тоской понимая, что ее-то он пройти сможет, а что с Мертвой рекой делать? Взгляд о макушку зеленую, будто мхом покрытую, запнулся. Как кочка травяная из черных вод она торчала и глазами жабыми блестела. Водяной? Водяной из озера частокольного? Зачем сюда явился? Как не испугался?

Вдруг вытащил перепончатый палец хозяин озера и ткнул им в Ваню.

– Каков ответ твой? – тянула хрипло русалка.

И вспомнил царевич спор свой давнишний с Водяным. Ругался он на Варю, что имя она свое духу нечистому сказала. Имя, что ей принадлежит, а другие им пользуются.

– Имя это! – радостно воскликнул он, не поверив, что Водяной вредный и ленивый помог ему.

– Верно, добрый молодец, отгадал ты. Пропустим тебя. Входи в реку Живую.

Отплыла от берега водяная, спиной к течению мощному встав. Другие русалки так же в ряд выстроились, будто хотели поток бурный худыми телами своими остановить. Но пенилась вода, бурлила, словно в огромном котле кипятили ее со дна глубокого.

– Как же я войду? Снесет меня течение и утащит безвозвратно, – с сомнением крикнул Иван, чтоб шум воды перебить голосом сильным.

Улыбнулась вновь неприятно русалка главная.

– Тут уж сам решай, добрый молодец. Коль страшно – до-

мой воротись, а коль тверд в намереньях своих – так смело путь вперед держи.

О Варваре думал Ваня, спасти ее желал. А значит, нет ему дороги назад. Вздохнул глубоко, дыханье в груди задерживая, и шагнул быстро в воды холодные, пока смелость не покинула его. Напрягся весь, сжался твердо, опасаясь стихии бурной, да только ничто не коснулось его и с места не сдвинуло. Оббегала вода быстрая вокруг него. Не чувствовал Ваня течения, будто не в реку полноводную вошел, а в болото стоячее. Шаг сделал, другой, осмелел совсем и поплыл быстро, руками и ногами загребая.

Долго плыл царевич, из сил выбивался, а будто бы ближе берег совсем не становился. Обернулся он, русалки далеко позади плавают. Да так далеко, словно не в реке Иван, а посреди моря бескрайнего. Назад воротиться? Так кажется, что ближе берег впереди, чем позади. Дальше решил плыть. Но не приближалась земля желанная. Не знал Ваня, сколько гребет уже, будто бы часы целые. Не осталось сил у него. Устал он невозможно. Погрузился вглубь царевич. Схлопнулась над головой вода темная, шум бурлящий отрезая. Не знал Ваня, как спасти себя самого.

Мелькнуло вдруг лицо знакомое в стекле мутном водном. Водяной приплыл вновь! Надежда мелькнула в сердце царевича.

– Помоги, – булькнул он невнятно, так что пузыри только с губ его сорвались.

Да только понял Водяной, ответил со смехом довольным:

– Говорил я тебе, Ваня, попросишь ты помощи у меня, обратишься, а я не помогу. Уроком тебе это будет хорошим, сын царский. Любой по жизни тебе пригодиться может, даже самый непригожий, на первый взгляд. Не помог бы я тебе сегодня, коль не беда с Варварой приключилась. И сейчас помогу. Река с Живой водой, а испытание не только разума, но и духа. Отважиться ты должен, ради Вари, на смерть пойти. Усни в реке Прави. Уснешь – умрешь. Поток вынесет тебя в реку Нави, в воды Мертвые, но не останешься ты в них. Загадку третью разгадал ты, а значит, исцелит тебя Живая вода в реке Мертвой. Ведь всё в этом мире связано. Спи, Ваня, засыпай.

Страшно было царевичу в слова Водяного вредного верить. Сатир предупреждал его, чтоб не доверял он тем, кто помочь попытается. Но можно ли и сатиру верить? Не специально ли он мысли мутит? Страшно. Страшно Водяного слушаться. Да только выхода не видел Иван. Вот почему не пройти ему было безо всех отгадок. Хитрые навьи духи точно бы забрали себе человека, если б не выполнил он условия полностью. Но в реке Прави они жили, приходилось им правила богини праведной исполнять.

Поверил Иван словам Водяного, что за Варю ратовал, другого выхода всё равно не имея, закрыл глаза и вдохнул глубоко, водой до боли грудь заполняя. Задергалось тело его, спастись пыталось, отказываясь разуму предательскому под-

чиняться, но сильнее дух Ивана оказался. Потопил он себя, веря, что, уснув, проснется непременно.

Темнота. Не помнил Ваня ничего. Ни себя, ни семьи своей, ни где был и где есть. Забыл он всё. Не билось сердце молодое. Тихо в груди лежало. А тело его несло потоком бурным по водам темным. Несло, пока не врезался поток этот в черную, будто углем нарисованную гладь воды стоячей. Змеей блестящей лежала река Мертвая. Не двигалась она, не шелестела.

Принесло тело царевича в черноту эту, и замерло оно в ней. Лежало долго. Десять раз за горизонт упало солнце яркое, лучами редкими и скупыми в Лес Сумеречный проникая. И столько же вошло оно. А Ваня не шелохнулся ни разу.

Но на одиннадцатый день вспыхнула чернота речная, золотом осветившись на миг краткий. Пронзил царевича луч света, и забилося сердце в груди его опавшей. Вдохнул он громко, глаза светлые открывая, и закашлялся надсадно.

Сложно Ване было, не понимал долго, где находится. Вода вокруг странная, будто масло тмина, заковала его со всех сторон. Не двигалась она, пугая больше, чем поток бурный. Не было с ним ни меча верного, ни лука гибкого. Мешок только спину тянул. А потом вдруг вспомнил всё царевич. Варвара в беде! Спасать ее надо немедленно. Погреб он быстро в сторону берега. Выскочил на землю сухую, не обращая внимания, что под ногами не трава растет, а черное пепе-

лице стелется. Однако чем дальше от реки удалялся Ваня, тем мягче почва становилась, травинки начали показываться, пока и вовсе буйной зеленью не разрослись, ковром бархатным укрывая.

Никого больше на своем пути не встретил Иван. Ни голов духовых, ни птиц, ни животных. Бежал он, пока на поляну серебряную не выбежал. На поляне той Древо росло. Выше и шире других оно было, пряталось, когда смотришь издалека, да громадой являлось, стоило на поляну волшебную ступить.

Только шагнул Ваня, минув незримую черту, разделяющую Лес Сумрачный и опушку колдовскую, как вспыхнуло Древо огнем ярким, из сини лазурной в белое пламя превратившись. Закрыв рукой очи ослепленные свои царевич, а когда вновь видеть смог, то шли к нему три девушки со златыми, рыжими и черными волосами, с лицами одинаковыми, будто одной кистью писанные, но разными красками мальные.

– Гляньте-ка, сестры, кажется, гость к нам незваный пожаловал, – вперед вышла дева с черными, будто небо ночное, очами-омутами. – Слышите? Сердце стучит его. Человечье. Прошел реку он мою. Храбрый молодец пожаловал.

Знал Ваня, кто к нему ближе всех подходила. Сама Навь темная, пустившая слуг своих проклятых на земли людские. Самая коварная она, по слухам, была. Пуще других ее опасаться стоило.

– Зачем же ты пожаловал во владения наши, столько препятствий смертельных минуя? – с улыбкой спросила она, голосом нежным, будто мед душистый разливной.

– Сколько бы ни прошел он, Навь, и какую бы цель ни имел, незванный он. Не ждет его Висир. Разозлится, коль узнает о госте. Сама знаешь, отныне иначе мужей привечает он. Уйти молодцу нужно подобру-поздорову, – не дала ответить царевичу красноволосая дева, брови строго сведя на тонкой переносице.

Сползла улыбка с лица Нави, будто молоко на солнце свернулось.

– Уверена, Явь? – вкрадчиво прошептала темная сестрица, от путника отходя. – Быть может не препятствовать нам ему? Невольные мы с вами уже давно, да вот неугодными недавно стали. Как знать, а вдруг удастся ему освободить Висира от чар девичьих? А-то совсем оглох он к словам нашим, да не к ее – глупым и вздорным. Не жалует нас новая хозяйка. Без нее, согласитесь, сестры, лучше жилось нам.

– Тебе, Навь, – словно свысока исправила Правь – сестра златоглавая. – Нам и раньше Висир теплом не отвечал, как и мы ему. Ты, как всегда, о себе лишь думаешь, сестра. А могла бы и о нас.

Пристальной взглянула на Ивана Правь, остро. Будто что ждала от него да сомневалась. Резко обернулась Явь на нее, так что волосы красные пламенем ярким взметнулись.

– Думаешь, он нам помочь способен? – тихо-тихо, будто

шелест листьев, спросила она боязно.

– Полно, сестры, – растянула Навь черная. – Откуда знать ему путь свободы наш? Неизвестна ни одной душе живой эта тайна. А мы, даже если захотим, рассказать не сможем. Так стоит ли напрасную надежду питать?

– А ты считаешь, что нужно просто так пропустить его, на смерть верную? – закружилась вокруг царевича Правь, оценивая его с головы до пят.

Говорили они, словно не было тут никого, кроме них, или будто не понимал Иван речь человеческую.

– Почему нет? – рассмеялась Навь. – Его желание ступить на земли колдовские исполнится, а мы повеселимся хоть. Скучно здесь всегда было, а теперь и подавно.

Ничего не ответили хозяйке нечисти сестры. Встала напротив Ивана Правь, схватила его за подбородок и заглянула в глаза глубоко-глубоко, будто душу увидеть пыталась.

– Смелый ты, молодец. Сердце у тебя горячее. Пропустим мы тебя. Да только знай, что в ярость впадет Висир, как увидит юношу на пороге. Не говори, кем Варваре ты приходишься и зачем пришел, коль жить желаешь.

– Как не сказать, если забрать я ее собираюсь? – удивился Ваня.

– Забрать ты ее не сможешь. Погибнешь, коль осмелишься, – разбила надежду царевича Правь, но после шепотом добавила: – Полюбилася девица колдуну. Жаден он, не отдаст.

Сказала и внимательно в глаза Ивана посмотрела, будто

ответ какой разглядеть пыталась. Вздрогнул он, услышав последние слова. Если полюбилась Варя колдуну, значит, сердце каменное ожить должно в груди мертвой? Поняла Правь, о чем думает Ваня. Улыбнулась радостно. Знает он тайну.

– Проходи, добрый молодец. Пусть удача сегодня на твоей стороне живет.

Разошлись в разные стороны три сестры, путь освобождая. Расколось Древо могучее, рухнув на землю двумя обломками грозными. И только коснулись стволы поломанные первых травинки, как тут же в пыль обратились. Побежали по воздуху в небо змеи туманные из гор праха древесного. Скручивались они меж собой, заворачивались в столбы толстые, в стены плотные срастаясь и стекленея слезами чистыми. На глазах Ивана дворец хрустальный рос, красотой своей поражая.

Стоило последней сверкающей иголке перестать тянуться ввышину, на самой высокой башне, как начал пробиваться из-под земли сад диковинный – стеклянный, с птицами да животными прозрачными. Иван смотрел на чудеса эти, а сам думал, как Варвару выволить так, чтобы колдун не убил его.

– Проходи, путник. Дальше мы проводить тебя не сможем. Закрываются для нас сейчас двери во дворец Висира, – вырвала царевича Явь из дум его, пичугами пуганными в голове бившихся.

Подтянул Ваня ляжку мешка на плечо и шагнул смело. К воротам прозрачным подошел, что по волшебству сами собой

отворились, пустив его в сад стеклянный. Не рассматривал Иван птиц да цветы холодные, напрямик во дворец побежал, чувством страшным раздираемый. Злился он и боялся колдуна-вора, а сердце ныло за Варвару-красавицу, что себя в жертву принесла, ради блага всеобщего.

Бежал Ваня, залы и галереи минуя пустые и стылые, мебелью прекрасной заполненные, а уюта не имея. Никто ему на пути не встретился, будто мертвый дворец был. В каждую комнату заглянул он, пока не приблизился к дверям высоким под самый потолок. Там музыка играла. Чистая она была, высокая, словно сам лед и стужа зимняя пели голосами мерзлыми.

Толкнул царевич створки гладкие и в тронный зал попал. В центре престол золотой стоял, камнями драгоценными украшенный. Уродливый и неуместный он был, будто в букет цветов душистых кусок угля воткнули. Но трон лишь мельком зацепил внимание Ивана. Глаза его силой стальной прикипели к танцующей по залу паре. Мужчина молодой в кафтане алом, богато расшитом, в короне чугунной зубчатой на волосах кудрявых смоляных, кружил Варвару в платье легком серебристом, как свет лунный. Коса ее вместе с ними танцевала, белоснежной лентой по воздуху скользя.

«Неужто это и есть колдун страшный?», – думал про себя Иван, за парой следя да брови хмуря. – «Не нравится мне, как на Варвару он смотрит».

Забыл все страхи царевич, увидев, как улыбается Висир

подруге его. Еще больше не понравилось, что и сама Варя улыбкой сверкала белозубой.

Стихла музыка ледяная, шагнул назад хозяин дворца, за руку девицу держа, поклонился ей, а после сильным низким голосом к Ивану обратился:

– Что ж ты, гость незванный, в дом мой пришел, а честь не оказываешь? Здравия не пожелал, не представился.

Не хотелось Ване ни здравия ворюге желать, ни имя свое в уста вкладывать. Хотелось броситься с кулаками, уму разуму по правилам деревенским прививая. Но спохватился вовремя он, вспомнил, что не перед шпаной дворовой стоит, а пред колдуном великим, коему три сестры Вечности служат.

– Простить прошу, Висир всемогущий. Здравия тебе желаю и благодарю, что войти позволил в царство свое волшебное, – поклонился Ваня. – Я – Иван-царевич, сын царя Яромира Благословенного. Пришел я, чтоб яблоко молодильное вернуть тебе. Забери его и пусть духи навьи покинут земли людские.

Рассмеялся гулко колдун, голову запрокидывая. А Ваня тем временем на Варвару глянул, что к нему обернулась. Глянул и душа его похолодела. Не та это была Варвара, не подруга его любимая, с очами яркими, синими, что звездами задорными сверкали, а тусклые стекла, словно от стены дворца этого отколотые. Равнодушно смотрела она на Ивана, презрительно даже.

– Не было позволения в царство мое входить, – отвлек

его голос колдуна. – Сам ты посмел ступить на земли мои. Покарать я тебя должен, да причина у тебя веселая больно. Яблоко молодильное вернуть пришел? Одно?

– Одно, – подтвердил царевич.

Вновь рассмеялся Висир.

– А знаешь ли ты, что пять яблок я отдал отцу твоему? Да не за яблоками он тогда приходил ко мне, а чтоб Лес открыть для людей его. Но душа корыстная большего пожелала. Как дух навий повел он себя. Следует ли обвинять теперь, что духи навьи в землях его, как в доме родном себя чувствуют?

Хотел Иван сказать, что ошибся батюшка, что исправить он это готов от его имени, но Варвара подошла близко к колдуну и на ухо ему что-то зашептала, а после улыбнулась коварно. Никогда Ваня не видел такой улыбки на лице чистом, прекрасном. Что сделал с ней чародей проклятый?

– Вот, значит, как? – рассмеялся Висир, Варвару приобнимая. – Знаешь, что невеста мне моя сейчас сказала, Иван-царевич?

Не успел Ваня опомниться от потрясших его слов, что Варя невестою стала, как колдун новой вестью ужасной поразил.

– Говорит она, что не яблоко вернуть ты пришел, обманщик, а убить меня. Говорит, что долгие годы наблюдала она, как духов навьих ты задабриваешь. Тайну мою отыскать жаждешь. Силы меня лишить желаешь. Обещала Варвара, что придешь ты скоро, дабы поразить сердце мое спицей се-

ребрянной. Но нет у тебя с собой спицы, не положила Варвара ее в мешок твой наплечный. Верно, душа моя?

– Верно, любовь моя, – улыбнулась холодно подруга Ивану, словами к колдуну обращаясь.

Пытался он в чертах знакомых знак заметить, что обман всё это, игра умелая. Но не видел ни в глазах светлых, ни в лице прекрасном и намека на ложь лицедейскую.

– Но не только сил он пришел тебя лишить, свет мой, – ласково разносился голос Варвары по залу гулкому. – Меня забрать желает. Думается царевичу, что богатырь он отважный, что спасет девицу красную и будет жить с ней, поживать да добра наживать.

– Биться, значит, за Варвару мою пришел? – задумчиво спросил Висир, глазами светлыми темнея, будто на небо утреннее туча черная набежала. – Без меча, щита, кинжала. С одним лишь мешком наплечным? Не простовато ли оружие твое, Иван царевич? С мешками ли на колдунов биться идут?

Зарделись щеки Вани от обиды и злости. Сжал кулаки он яростно. Предала его Варвара, сердце разбила глупое, доверчивое. Но просто так не уйдет он теперь. Мешок ему, конечно, не поможет, оставалось только на хитрость уповать.

– Нет, Варвара, вижу, что нет мне смысла тебя забирать от чародея лесного. Обманулся я, сам того не ведая. Полюбил тебя без памяти, и теперь не знаю, как дальше быть, как боль эту ядовитую позабыть. Поэтому помощи и милости у Виси-

ра просить хочу. Правду сказала Варвара, что духов задабривал я, визнавал, как сил лишить тебя, владыка Леса. Поведали мне голоса, будто и ты когда-то с той же бедой столкнулся. Предала тебя однажды любимая. Сердце ты в камень сумел заковать, чтоб ни любить, ни помнить больше. Так же я хочу. Помоги, не откажи в милости, а я, в благодарность, до конца дней своих служить тебе буду.

Замерла Варвара, словами Ивана изумленная, ресницами длинными захлопала. И чародей застыл, размышляя да царевича задумчиво разглядывая. Что еще Ваня поделывать мог? Мешком тряпичным с ягодами вонючими внутри и впрямь много не навоюешь против силы колдовской. А слугой вечным может и позарится Висир, минуты жизни Ивану продлевая.

– Что ж, есть такой обряд, что поможет сердце твое в камень заковать и мне служить заставить, – протянул довольно хозяин Леса и дворца. – Но серебро лишь способно сердце в камень обратить. Да необычное серебро, а лунное. Раньше много на земле было его, но опасно оно, поэтому уничтожил я все запасы.

Слушал Ваня колдуна, мыслью озаряясь. Не просто так он уничтожил всё лунное серебро. Если в камень сердце оно обращает, наверняка, именно этим серебром и убить его можно! Не просто спицей серебряной! Лунный металл должен быть! Вот почему опасно оно!

– Где же взять мне его теперь, чтоб обратить сердце свое в

камень? – борясь с радостью озарения, тревогу на лице изобразил царевич.

– Нет на земле больше серебра лунного. Вот только, когда забирал я металл волшебный, сохранил немного драгоценного. Жизнь длинна и непредсказуема, иные обряды без его помощи не совершить. А я запаслив и дальновиден. Есть у меня серебро лунное. Да только достать его непросто. На самом высоком шпиле дворца моего, солнце с лучами острыми сверкает. Лучи его и есть нужное тебе серебро. Пусть проверкой твоей это будет. Шпиль тот не имеет ни окон, ни бойниц, коль взберешься и добудешь спицу, тогда обращаю твое сердце в камень и на службу к себе возьму. А нет – могу иначе сердце успокоить, на веки вечные.

Зашептала что-то Варвара вновь на ухо колдуну встревоженно. Но улыбнулся он лишь мягко и ласково по щеке бледной погладил.

– Не бойся, душа моя, не сможет он, если выполнит условие, поразить меня спицей этой. Не обойти ему колдовство мое, так что нет опасности. Ну что, царевич, согласен на самую высокую башню взбираться?

– Согласен, – кивнул Иван.

– Ступай тогда, а мы следом двинемся.

Развернулся Ваня к выходу и пошел из дворца прочь, слыша за спиной стук каблуков Варвариных. Боязно было на шпиль крутой лезть, да выбора другого нет. И жизнь, и спасение от этого зависит.

Вышли в сад они хрустальный и подошли к башне, что будто до самого неба доставала. На конце ее что-то маленькое и острое сверкало.

– Вон оно, солнце с лучами серебряными, – со смехом в голосе подтвердил Висир мысли Ивана.

И только увидев высоту и гладкость башни, понял Ваня, что не состраданием движим чародей и не добротой сердца оттаявшего, а жаждой смерти соперника. Невозможно достать спицу солнечную, если нет у тебя крыльев птичьих.

Глянул Иван через плечо на Вареньку, но не нашел в ее взгляде никакого чувства. Делать нечего, надо лезть. Собрался он с духом и подошел к стене гладкой. Стыки узкие были меж плит прозрачных. И так и эдак примерялся царевич, пальцы до боли в щели вгоняя. Медленно вверх пополз он. Тяжело было. Сводило руки и ноги, но лез упрямо Ваня, желая единственное оружие против колдуна достать. Долго забирался он, пальцы в кровь стирая, устал, не чувствуя тела своего, а даже до половины добраться не смог. Подвели его руки, дрогнули. Сорвались с выбоинки узкой, и полетел царевич с высоты длинной. Упал он на землю твердую, и мир тут же померк пред глазами его.

Не слышал Ваня ничего и никого. Даже боли не чувствовал.

«Погиб?», – подумал в ужасе царевич.

И только мысль эта пронеслась, как пред взором свет голубой разлился. Из света этого дева вышла. Знал ее Иван.

Не так давно встречался пред Древом с ней. Навь черная к нему пожаловала.

– Что-то зачастил ты в царство мое, добрый молодец, – ухмылкой изломала она губы темные. – Никак по сердцу я тебе пришлось? Остаться здесь желаешь?

– Где здесь-то? – сядясь в темноте кромешной, по сторонам озирался Иван, но кроме Нави не видел ничего, себя даже разглядеть не мог.

– Мир это мой. Загробный. Когда в воде ты утонул, не могла я тебя не вернуть. Условия ты выполнил. Но сейчас от меня лишь зависит, вернешься ты в мир Яви или нет.

– Я умер!?

– Умер, умер. А ты когда на башню ту лез, чем думал дело кончится? – рассмеялась богиня Тьмы.

– Думал, что до спицы доберусь и Висира ей проткну, – насупился мрачно Иван, расстроившись.

Всё зря было.

– М-м-м, – протянула Навь негромко, иным голосом, будто ложь с него слетела. – Известно тебе, значит, про спицу... А если бы ты обратно вернулся, что бы ты сделал, чтобы Висира убить?

– Да всё. За этим я сюда и пришел. Варю еще освободить. Да околдовал ее чародей проклятый. Не та эта Варя... Ну или всегда она не та была, а я – дурак верил ей.

– С Варей этой помочь я не могу, а вот Висира одолеть ты сможешь.

Перекинула Навь ковер волос своих гладких, пальцами белыми провела по ним, будто гребнем расчесала, и вытащила из шелка черного спицу серебристую, голубизной сияющую.

– Держи, царевич, – протянула она Ивану дар драгоценный. – Подумать тебе только стоит о ней, как в руках она твоих окажется. Но лишь одна попытка у тебя будет. Коль заметит колдун иль даже заподозрит, погибнешь сразу. И я тебе уже помочь не смогу.

Сказала Навь это, пальцами шелкнула, и тут же боль пронзила спину и грудь Ивана. Задышал он с хрипом, глаза открывая и в небо звездное взгляд слепой устремляя. Перекатился царевич, закашлялся, будто из воды вынырнул.

– Живой никак? – удивленно спросил чародей. – Еще попробуешь или не хочешь больше сердце каменное?

Казалось Ване, будто каждая косточка у него дребезжит и стонет, но переборол он муки эти, твердо на ноги поднимаясь.

– Отчего же? Еще, конечно, попробую, – выдохнул тяжело царевич, лицом к башне оборачиваясь и стараясь не думать о спице волшебной.

– Упрямый молодец. Мне это по нраву. Достанешь серебро – с радостью на службу возьму тебя, – посмеялся колдун громко.

А Ваня в тот момент обернулся резко, спицу сияющую в руке представляя, и ринулся в сторону Висира. Но не успел

он и шага ступить, как ударил его в спину Ветер лихой – слуга лесного хозяина. Опрокинул Ивана на землю жесткую и прижал силой недюжинной, так что встать невозможно было.

– Обмануть меня решил, сын Яромира? Глупо и неосмотрительно. Жаль. Смелый ты. Но погибнешь теперь за глупость свою.

– Погибнешь и взлетишь в небо, как цапля белая, – с улыбкой радостной произнесла Варвара, будто счастье для нее была смерть Вани.

Удивился царевич голосу подруги бывшей, а после вдумался быстро в смысл слов ее. Цапля белая – фраза их обговоренная, чтобы с духами навьями друг друга не перепутать!

Смерть уже висела на голове Ивана и долго думать нельзя было. Дернул рукой он, лежа пузом на земле, и кинул спицу Варваре. Лучом ярким пролетел узкий металл и ловко в ладонь девицы упал. Заметил это колдун, неожиданный подвоха, повернулся к «невесте» своей, и тут же Варя спицу в грудь мужскую воткнула и отскочила в сторону.

Широкими глазами взирал Висир на девицу светлую. Ничего не происходило. Варвара на дело рук своих смотрела да с Ваней взором испуганным делилась. Узнал он взгляд полюбившийся, понял, что не предавала его подруга верная, и забилося в груди сердце горячо и радостно. Даже если не победили они колдуна вероломного, счастлив Иван в душе уже был.

Однако тишина мертвая, в саду глухо разлившаяся, вдруг

звоном тонким треснула. От спицы, в грудь чародейскую воткнутой, узкие змейки света побежали, будто трещины на стекле. Хватался Висир за края их, пытаясь остановить, но тщетно. Крик вырвался зверский из уст его искривленных. Заорал он от боли и горечи, ярким заревом вспыхнув.

Удар за светом его последовал, опрокинув Варвару на землю и унося ее на двадцать аршин, не меньше. А Ваню сильнее в твердь вдавливая. В ушах колокольчики зазвенели, мерзким писком комариным. Не сразу услышал царевич голос Варенькин громкий испуганный:

– Ваня! Скорее! Обратно сейчас колдун обратится, хватай сосуд!

Вскинул Иван голову, заметив, как в воздухе собираются перья света со всех концов над землей, где сердце расколотое, медленно трепыхавшееся, лежало, а возле него сосуд прозрачный с дымом разноцветным внутри валялся. Будто свет, тьма и огонь клубились за стеклом тонким. Вот они! Свет Сил сестер трех!

Оттолкнулся мощно Ваня и в два прыжка подскочил к сосуду, каблуком твердым бутылочку разбивая. И вновь удар раздался могущественный, относя уже и царевича волной беспощадной. Крик отчаянный в последний раз пронесся над кронами дубов вековых колдуна погибающего.

Рухнул Ваня больно и сильно врезался о землю негостеприимную. Струйки, что из сосуда пробились, вдруг в столбы огромные разрослись. Черная, золотая и красная колонны

дыма цветного взвились ввысь и стали затапливать небеса. Задрожал лес, застонали деревья толстые, заскрипели стены дворца хрустального. Трещинами пошли прозрачные и начали кусками откалываться. Как только достигали земли дрожащей, тут же в пыль рассыпались и ветром развеивались.

Крики со всех концов леса поднялись голосов многотысячных. Страшно было Ивану, как никогда не было.

– Ваня! – позвала громко Варвара, ладони к ушам прижимающая и всем телом пригибаясь.

Сорвался тут же с места царевич и подбежал к подруге, от опасности укрыть собой пытаясь, за плечи крепко обнимая. Не уходили они с поляны рушащейся, опасаясь Леса, ходуном ходившего. Надеялись на чудо, смотря, как сотни душ навьих затягивает в столб разноцветный, что вертелся на месте дворца, в лету канувшего. Кричали духи, не желая покидать земли людские и в царства богинь возвращаться.

Когда совсем сильный ветер поднялся, отрывая спасителей от земли, купол над ними раскрылся тихий и спокойный. Не трогали в нем Ваню и Варю силы природные злые.

Властвовала буря и ненастье за границей купола светлого, когда возникли три силуэта ярких, не поддававшихся стихиям буйным. Три сестры пришли.

– Благодарим мы вас, Иван и Варвара, что освободили от гнета Висира, – улыбнулась Правь златоглавая. – Не место нам в мире вашем. Отправимся теперь в царства свои, души ваши – человеческие встречать, когда время придет. Не бу-

дут больше духи Нави отравлять жизни людские, а реки Живые и Мертвые не унесут души раньше отмеренного срока. Лес теперь дары приносить будет, не неся опасности и смерти. Спасибо, что помогли нам. За это наградим вас счастьем и благополучием.

Улыбнулись дружно три сестры всемогущие, взяли за руки, и затопило всё вокруг светом непроглядным. Зажмурились Ваня с Варварой крепко, а когда вновь глаза открыли, стояли они в тихом пшеничном поле. Ласковый ветер катался на колосках зрелых, а лес затих, мерно раскачиваясь зелеными кронами, словно и не властвовали там злые силы.

Посмотрели друг на друга Ваня с Варварой и захохотали радостно, обнявшись крепко.

– Побежали скорее! Надо посмотреть, помогли ли мы матушке от проклятья избавиться! – счастливо воскликнула Варенька, потянув царевича за руку, в сторону горы Синезубой.

Всё хорошо отныне было. Покинули земли людские духи навьи, и не портили жизнь никому больше. Матушка Варвары от проклятья избавилась, а когда время пришло, дала благословение на свадьбу молодых. И жили они, поживали да добра наживали.

Конец.